

М.В. Богуславский

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ РОЗАНОВ

Пожалуй, самой причудливой, таинственной и иррациональной фигурой в российском образовании был В.В. Розанов — явление во многом загадочное для русской культуры. Современники отворачивались, исследователи предпочитали обходить молчанием, потомкам запрещалось читать книги Розанова. Нечто неприемлемое было в его словах и в статьях, в самом характере его деятельности. Но писал он, несомненно, талантливо, неординарно, как никто.

В.В. Розанов родился 20 апреля 1856 г. в русской провинциальной глубинке, в городке Ветлуга под Костромой. Здесь тогда господствовали патриархальные, домостроевские традиции с их светлыми и темными сторонами. Но в отчем доме эти традиции скорее всего проявляли себя не столько в добрых и радостных, сколько в жестких и мрачных для ребенка формах. «Во всем нашем доме я не помню никогда улыбки», — вспоминал впоследствии Розанов.

Можно предположить, что известная «угрюмость», пессимистичность работ философа имеет свое начало в его семье, в годах детства. Оно было нелегким. В 1859 г., после смерти отца, мать с семьей детьми переехала в Кострому. Когда Розанов был во втором классе гимназии, умерла мать, и воспитанием детей стал заниматься брат Николай, фактически заменивший им отца.

Уже в самые ранние годы в детской натуре Розанова проявились черты личности будущего философа-мыслителя. Сам он так пишет об этом: «К чертам моего детства (младенчества) принадлежит поглощенность воображением. Но это — не фантастика, а задумчивость. Мне кажется, такого «задумчивого мальчика» никогда не было. Я «вечно думал», о чем — не знаю. Но мечты не были ни глупы, ни пусты...».

После окончания в 1882 году историко-филологического факультета Московского государственного университета начался достаточно длительный период его учительской деятельности (1882–1893 гг.). Он преподавал историю и географию в гимназиях и прогимназиях Брянска (1882–1885), Ельца (1885 — июль 1891), города Белого Смоленской губернии (1891–1893).

Однако служба в гимназии, семейная обстановка ничуть не благоприятствовали его литературно-философской работе. Учительство тяготило В.В. Розанова, в нем, кроме «милых

физиономий» и «милых душ» ученических, для него, по собственному признанию, все было отвратительно, чуждо, несносно, мучительно в высшей степени: «Форма: а я – бесформенный. Порядок и система: а я бессистемен и даже беспорядочен. Долг: а мне всякий долг казался в тайне души комичным и со всяким «долгом» мне хотелось устроить «каверзу», «водевиль». В каждом часе, в каждом повороте «учитель» отрицал меня, я отрицал учителя. Было взаиморазрушение «должности» и «человека». Что-то адское. Я бы (мне кажется) «схватил в охапку всех милых учеников» и улетел с ними в эмпирии философии, сказок, вымыслов, приключений «по ночам в лесах» – в чертовщину и ангельство, больше всего в фантазию. Ну что толковать – сумасшествие».

Однако еще 13 томительных лет придется ему служить в Московском учебном округе, прежде чем он переседет в Петербург и приступит к должности чиновника особых поручений VII класса при Государственном контроле.

Исходя из своего педагогического опыта Розанов, может быть, впервые в России конца XIX в., обосновал идею необходимости научной разработки философии образования и воспитания. Известно, что в то время велись педагогические поиски реформ и преобразований русской школы. И Розанову принадлежит заслуга в том, что он одним из первых заметил принципиальные причины застоя в развитии отечественной школы: ее несамостоятельность, подражательность, карикатурное копирование европейских традиций (искусственное выращивание личности, по Руссо) и, главное, непомерное давление на нее российских государственных указов. Застой в русской школе Розанов связывал прежде всего с нарушением трех принципов образования: во-первых, принципа индивидуальности, который требует от образуемого (ученика) и образующего (учебного материала) сохранения «особности» (не ученик вообще и не знание вообще); во-вторых, принципа целостности, основанного на том, чтобы «всякое входящее в душу впечатление не прерывалось до тех пор другим впечатлением, пока оно не внедрилось, не окончило своего взаимодействия с нею», в-третьих, принципа единства типа, состоящего в том, чтобы «все образующие впечатления, падающие на

данную единичную душу, или, что то же, исходящие из данной единичной школы, были бы непременно одного типа, а не разнородны или противоположны».

Главная педагогическая книга Розанова с характерным для писателя и мыслителя заголовком «Сумерки просвещения» вышла в 1899 году и сразу оказалась в эпицентре споров и дискуссий, захвативших первые годы наступившего столетия. А сама личность Розанова привлекла пристальное внимание педагогической общественности.

Перечитывая сейчас составившие эту книгу статьи с символическими названиями: «Семья как истинная школа», «Педагогические трафаретки», «Беспочвенность русской школы», обжигаясь мыслью – как же мало было воплощено в российском образовании из тех насущных задач, которые резко и определенно выдвинул В.В. Розанов.

Из воспоминаний о годах обучения в гимназии и университете, собственного десятилетнего опыта учительства Василий Васильевич вынес горькую и страстную убежденность в абсолютной порочности существовавшей тогда в России школы.

В своих мастерски написанных статьях Розанов действительно по-максималистски беспощадно осудил, конечно, далеко не худшую систему образования, существовавшую в то время в России. И не какие-то детали – перегрузку учащихся, отсутствие совместного обучения – нет, он отвергал школьное обучение целиком.

Большим, даже решающим недостатком мыслитель считал отсутствие в отечественной педагогике философии национального образования и воспитания. А без этого, по его мнению, всё остальное становилось бессмысленным. Можно было бесконечно спорить о том, какой предмет, в каком объеме и как изучать, но от этого русская школа не избавлялась от главной беды – беспочвенности. Именно эта позиция стала основой розановской критики новоевропейской системы образования в «Сумерках просвещения». В. Розанов сравнивал эту образовательную традицию с созданием гомункулуса, когда воспитательные цели подчинены искусственной идее. Идеалы нового воспитания он связывал в первую очередь с философией Ж.Ж. Руссо: «Вне традиций своего народа, вне смысла

своей религии, вне целого движения двухтысячелетней истории граждан, отовсюду изгнанный, образовал идею нового гражданина, фикцию, которая могла бы заключать его общественный договор».

Фиктивная идея, по В. Розанову, неизбежно породила «фиктивное образование», в котором, чтобы воспитать «человека и гражданина», была создана искусственная система на основе произвольного (фактически спровоцированного идеологическими предпочтениями) выбора и эклектизма. Вместо всегда имевшего сакральный смысл древнего опыта приобщения к «жизни» ученик получал сумму фактов, которую должен был механически усвоить. Отсюда, считал мыслитель, берёт начало процесс «безжизненности возрастающих поколений». Постепенно деградируя, образовательная система вообще отказывается от поиска «идеала» и «общей идеи» образования, а ее адепты все более и более погружаются в бесконечные и, в сущности, «пустые» споры о методических деталях.

Что же предлагал русский мыслитель? Какие перемены, с его точки зрения, могли бы изменить к лучшему ситуацию в образовании?

Как мы видим, о проблемах образования он писал с позиций собственной «философии жизни», уже в целом вполне осознанной. Соответственно, В. Розанов настаивал на изменении прежде всего самого отношения к образованию: «Только с любовью, долго, при собственных дарах или любящем учителе, останавливаясь на самом кратком, в несколько минут прочитываемом произведении, можно впитать из него тот аромат, который оно содержит в себе, живую же душою отозваться на ту жизнь, которая таинственно завита в нем его давно умершим творцом, и, отозвавшись, пластически видоизменить свою душу прекрасным, благородным впечатлением, на нее павшим».

Вместе с тем В. Розанов был противником любых вариантов «казарменного обучения». Столь же решительно он выступал и против возникшего разрыва между школой и жизнью. Получать вместо реальной жизни ее схемы – это, согласно В. Розанову, главный порок современного образования. Он мечтал о «новой школе», которая должна быть основана на идеале свободного общения между учителем и

учеником. Однако для него реформирование образования с необходимостью предполагало развитие культуры, самых разнообразных ее форм. Культура, в том числе и культура образования, должна была ориентироваться на разные сословия и социальные группы. А педагогический процесс в равной степени обязан учитывать социальные особенности и сложившиеся культурные традиции (в первую очередь – городского и сельского населения).

Главный педагогический вывод, который делал В. Розанов: при всей разнице подходов к образованию, в сущности, есть только два пути в педагогике – естественный и искусственный. Первый из них – гармоничное воспитание, которое состоит из «непосредственных созерцаний» и определяется совокупностью исторических, культурных и бытовых традиций. Идея же искусственного человека порождает «образование вне истории и вне жизни». Эта идея полностью ориентирована на «условные абстракции». Но живому человеку требуется что-то абсолютное, играющее роль духовного центра жизни, и образование не может игнорировать эту его потребность.

Наряду с отстаиванием, как бы сейчас сказали, культуросообразного образования Розанов решительно выступал за его развивающий и лично ориентированный характер. По его убеждению, весь процесс обучения должен быть насыщен поисковой, опытной, исследовательской деятельностью школьников, сопровождаться их яркими и высокими эмоциональными переживаниями от поиска истины и вызванных этим «озарений и просветлений».

Впрочем, и в предшествующие публикации «Сумерков просвещения» годы этот яркий публицист (по позднейшей автохарактеристике: «непримиримый Розанов 90-х гг.»), обращаясь к различным проблемам российской общественной жизни, очень часто отстаивал уже не столько политические, сколько «жизненные» ценности. Об этом свидетельствует, например, его статья «Женское образовательное движение 60-х годов» (1896).

В. Розанов был убежден в том, что абстрактно-отвлеченные представления о «тяге» к знанию и просвещению к «женскому вопросу» никакого отношения не имеют. «Высшие женские курсы поэтому были и остаются

вовсе не проявлением умственного, теоретического интереса женщин. Его не было в то время, и его нет теперь. Учение, наука – это есть потребность мужского инстинкта. В 60–70-х годах мужчина отдал женщине свое право; и она была так робка, так застенчива, так, может быть, запугана уже «вековым рабством», что не осмелилась выговорить простое: «это не мое право», т.е. поправить, указать, внушить слепому и холодному распорядителю своей судьбы, спросив у него о своем праве. Это право – в дар за любовь свою получить мужественного и сильного покровителя, опереться на его честное и мужественное сердце». Таким образом, по убеждению В. Розанова, потребность в любви и семье движет женщиной во всех ее действиях и, конечно, в процессе образования.

Может возникнуть соблазн увидеть в таком отношении к женскому образованию проявление какого-то крайнего консерватизма. Однако для подобного вывода нет серьезных оснований. В. Розанов не был противником права женщин на высшее образование. Но он всегда, с редким постоянством выступал против «просвещенческого» (в его понимании, безусловно, «мужского») подхода в педагогике, «слепо и холодно» унифицирующего буквально всё на свете и в том числе – женскую душу.

Конечно, розановская апология женственности носила последовательно консервативный характер. С точки зрения идеологии современного феминизма такая «похвала» хуже любой критики. Ведь, по сути, В. Розанов настаивал на изначальной обреченности любого феминистского проекта, предполагающего деконструкцию основополагающих черт женской личности, связанных с ее отношением к мужчине. Впрочем, по В. Розанову, вся сложившаяся система образования и воспитания ориентирована на «перестройку» психологии человека, не принимает в расчет глубинных «тайн» его души и прежде всего – самой важной из них – тайны пола.

Судьба самого В.В. Розанова была достаточно тяжелой. Остро переживаемое интеллектуальное одиночество в провинциальной глуши, постоянные материальные трудности, резкая критика современников и не только махровых реакционеров, но и передовых деятелей культуры...

Умер писатель и мыслитель в Сергиевом Посаде 23 января 1919 г. в Гражданскую войну от голода, холода и бесприютности, оставив в наследство свои блестящие по литературному уровню и глубокие по содержанию статьи и книги, написанные, как он отмечал, «сострадающим сердцем».

В статье, опубликованной в связи со смертью Розанова, отмечалось, что «быть может, он самый гениальный человек в России, но и самый страшно моральный человек. В своих публицистических статьях он ненавидит евреев, а в религиозно-философских книгах восславляет иудаизм и является, быть может, большим иудеем, нежели они сами. За все 20 веков христианства никто не дал такого сильного его отрицания, но и едва ли кто-нибудь так страшно рвался к церкви, как Розанов.

Цинизм от страдания, чувства вины, тоска быть униженным и крайняя замкнутость – в этом пафос его изорванной, трагической души. Но всё же Розанов есть изумительный, потрясающий факт русской истории, которого простым отрицанием не вытрешь и никакой слепотою не обойдешь. Такой оригинальности, широты мысли, глубины анализа и открывающихся горизонтов, какие явил Розанов, ни у кого до него не было.

И в то же время Розанов принадлежал к тем «одиноким» мира, изгнанникам человечества, которых трудно понимать, труднее, может быть, о них рассказать другим. Печать чего-то «другого», не нашего, печать какой-то драгоценной «уники» лежит на каждом самом незначительном его произведении, будь то журнальная статья или газетная заметка.

РЕЗЮМЕ

В статье идет весьма нетрадиционный рассказ об одном из талантливейших и самобытных представителей Российской интеллигенции, педагоге и философе Василии Васильевиче Розанове, оставившем глубочайший след в научном мире, но так по-достоинству и не оцененном общественностью.